

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.3>

UDC 811.161.1'04

LBC 81.411.2-03

Submitted: 10.09.2024

Accepted: 11.11.2025

CONJUNCTIONAL VERBAL-AND-PARTICIPIAL CLAUSES IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Boris V. Kunavin

North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Abstract. The article analyzes the structural and functional features of Old Russian syntactic constructions with a nominal active participle connected to a verb by coordinating conjunctions. The relevance of the study is explained by their active use throughout the development of the Old Russian language, as well as by acute contradictions in the interpretation of their originality. The study focuses on structural peculiarities of the specified phrases and aims to identify the dynamics of their use, genre and stylistic reference. Based on a systematic approach using comparative-and-historical as well as comparative-and-typological methods, it was established that the conjunction between the participle and verbum finitum is a marker of high predicativity of the Old Russian participle. Other interpretations are determined either by an asystemic approach to the studied syntactic construction, or by attributing the properties of modern adverbial participles to the Old Russian material, or the functional identification of the participle with the verb. The structural diversity of these clauses is analyzed taking into account the grammatical semantics of the conjunctions. The research highlights the dynamics of functioning demonstrated by the clauses under study. It is reflected in Old Russian literary texts of the 11th – 17th centuries taking into consideration their genre and stylistic reference. The reasons for the loss of such phrases are determined, including functional deterioration of nominal active participles in the process of their transformation into adverbial participles, as well as the development of hypotaxis in the Old Russian language.

Key words: participle, coordinating conjunction, hypotactic structures, paratactic constructions, aorist, imperfect, perfect, secondary predicate.

Citation. Kunavin B.V. Conjunctional Verbal-and-Participial Clauses in the History of the Russian Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 30-47. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.3>

УДК 811.161.1'04

ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 10.09.2024

Дата принятия статьи: 11.11.2025

СОЮЗНЫЕ ГЛАГОЛЬНО-ПРИЧАСТНЫЕ КЛАУЗЫ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Борис Всеволодович Кунавин

Северо-Осетинский государственный университет, г. Владикавказ, Россия

Аннотация. В статье характеризуются структурно-функциональные особенности древнерусских синтаксических конструкций с именным действительным причастием, соединенным с глаголом сочинительными союзами. Актуальность исследования обусловлена широкой употребительностью этих конструкций на всем протяжении развития древнерусского языка, а также острыми противоречиями в истолковании их своеобразия. Цель статьи заключается в выявлении конструктивного своеобразия указанных оборотов, динамики их использования и жанрово-стилистической принадлежности. На основе системного подхода с применением сравнительно-исторического и сравнительно-типологического методов установлено, что союз между причастием и verbum finitum представляет собой маркер высокой предикативности древнерусского причастия. Иные интерпретации обусловлены асистемным подходом к изучаемому синтаксическому построению, перенесением свойств современных деепричастий на древнерусский материал или функциональным

отождествлением причастия с глаголом. Описано конструктивное многообразие указанных клауз с учетом грамматической семантики союзов. Продемонстрирована динамика функционирования анализируемых клауз, получившая отражение в древнерусских литературных текстах XI–XVII вв. с учетом их жанровой и стилистической принадлежности. Определены причины утраты данных оборотов речи, обусловленные сужением функций именных действительных причастий на пути их превращения в деепричастия, а также развитием гипотаксиса в древнерусском языке.

Ключевые слова: причастие, сочинительный союз, гипотактические структуры, паратактические конструкции, аорист, имперфект, перфект, второстепенное сказуемое.

Цитирование. Кунавин Б. В. Союзные глагольно-причастные клаузы в истории русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 30–47. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.3>

Введение

Конструкции, в которых финитная форма глагола соединяется с именным действительным причастием сочинительным союзом, в различных древних славянских языках вызвали огромный интерес у исследователей. Впервые на них обратил внимание Й. Добровский, оценивший такой союз в качестве плеоназма, излишнего [Добровский, 1834, с. 60]. Ф. Миклошич употребление союза в подобных конструкциях считал ошибкой писца [Miklošich, 1883, S. 827]. При этом он настолько был уверен в адекватности своего мнения, что, подготавливая к изданию Лаврентьевскую летопись, все сочинительные союзы между финитной формой глагола и причастием убрал. В дальнейшем ученые обратили внимание на высокую частотность союза в указанных оборотах, что послужило причиной отказа от первоначальных суждений. Возражая по данной проблеме своему учителю Ф. Миклошичу, В. Ягич писал: «Даже если это ошибка, то что вынуждало писца совершать эту ошибку» [Jagič, 1899, S. 70]. В результате возобладала точка зрения, в соответствии с которой в рассматриваемом обороте союз служит соединению двух однородных сказуемых, то есть был поставлен знак синтаксического равенства между причастным и глагольным предикатами. Подобное суждение было поддержано крупными учеными [Срезневский, 1959, с. 60; Jagič, 1899, S. 69; Trávníček, 1956, s. 181–187; Navránek, 1937, s. 24; Руднев, 1959, с. 84; Георгиева, 1968, с. 104; и др.].

Между тем указанная точка зрения имеет ряд уязвимых мест, поскольку ее сторонники рассматривают анализируемые конструкции в отрыве от использования сочинительного

союза в древних славянских языках для связи главной и придаточной частей сложноподчиненного предложения, для связи глагольной части и дательного самостоятельного оборота. При таком подходе отрицается получившее широкое распространение учение о главном и второстепенном сказуемом в древнерусском и других древних славянских языках.

Говорить о синтаксической равнозначности второстепенного сказуемого, выраженного причастием, и главного сказуемого, выраженного финитной формой в конструкциях типа *въставъ и рече*, нет достаточных оснований, о чем свидетельствуют доказательства А.А. Потебни [Потебня, 1958, с. 189–190]. Суждения А.А. Потебни по данной проблеме получили поддержку в исследованиях других лингвистов [Истрина, 1919, с. 82; Борковский, 1949, с. 209; Růžička, 1963, S. 104–112; и др.]. А.А. Потебня утверждает, что причина употребления союза для связи главного и второстепенного сказуемого кроется не в их равносилности, а в относительной самостоятельности причастного предиката, на что указывают также и многие сторонники учения А.А. Потебни [Истрина, 1919, с. 81–82; Борковский, 1949, с. 206; Мирчев, 1963, с. 215; и др.].

Сила точки зрения по данному вопросу А.А. Потебни заключается в ее системном характере. Эта системность проявляется в том, что ученый постановку сочинительного союза в указанных конструкциях рассматривает в одном ряду с его употреблением для связи главной части с придаточной сложноподчиненного предложения, глагольной части с дательным самостоятельным оборотом, подчеркивая, что «союзы здесь как бы назначают еще недостаточно сросшиеся швы между частями предложения» [Потебня, 1958,

с. 197]. Из этого следует, что гипотактические структуры в древнерусском языке возникли не вдруг, а в результате постепенной эволюции, выделяясь из паратактических конструкций. Следует заметить, что подобный процесс был свойствен не только балто-славянскому языку, но и другим древним индоевропейским языкам, в которых также использовались сочинительные союзы для связи главной части с придаточной в сложноподчиненном предложении. Так, М. Ферран приводит случаи употребления подобных конструкций в древнефранцузском языке, готском, германских диалектах, латыни, древнегреческом, древнелитовском и древнеармянском [Ferrand, 1983, p. 45]. С.Д. Кацнельсон приводит примеры подобных конструкций из древнегерманских языков [Кацнельсон, 1936, с. 54–55].

Совершенно иное решение данного вопроса предлагает Й. Курц, считающий, что проблема исследуемого оборота кроется не в своеобразии древнего славянского причастия, а в качестве того, что лингвисты в данной конструкции называют сочинительным союзом. Автор полагает, что *и* в сочетании типа *въставъ и рече* представляло собой не союз, а междометие, сигнализирующее следующее после причастия действие и привлекающее к нему внимание. Причем действие, обозначенное *verbum finitum*, осуществлялось немедленно и выражало нечто неожиданное и новое [Kurcz, 1958, s. 106]. Приводимые Й. Курцем в доказательство выдвинутого суждения примеры довольно убедительны. Однако в материале как старославянского языка, так и древнерусского и других древних славянских языков имеет место множество конструкций, содержание которых совершенно не соответствует указанному предположению Й. Курца. Р. Ружичка в своей основательной монографии убедительно отрицает точку зрения Й. Курца, приводя в ее опровержение многочисленные примеры из евангельских текстов старославянского языка [Růžička, 1963, S. 104].

Так же как и Й. Курц, решение проблемы оборота типа *въставъ и рече* М. Ферран видит не в своеобразии древнего славянского причастия, не в особенностях древнеславянского и древнерусского синтаксиса, а в указании на то, что *и* или *а* в указанном синтаксическом построении являются не союзами, а остатками

древнего указательного местоимения [Ferrand, 1983, p. 45]. Однако в свете высказанных по этому вопросу суждений А.А. Потебни и Р. Ружички данная точка зрения не может быть принята. Вместе с тем попытка Й. Курца и М. Феррана сделать акцент при решении проблемы исследуемого оборота на природе компонентов *и*, *а* свидетельствует не только о недостаточной изученности функций древнерусских именных причастий, но и о неокончательной разработанности вопроса о союзах *и*, *а* в древнерусском и других славянских языках.

Так, по мнению И.А. Поповой данные союзы в древнерусском языке не представляли собой сочинительных союзов в современном смысле, а являлись универсальным средством связи [Попова, 1945, с. 32]. Однако И.С. Истрина [Истрина, 1919, с. 82], С.П. Обнорский [Обнорский, 1946, с. 66], П.В. Попов [Попов, 1953] не без оснований считают, что значение, функции и употребление указанных союзов в древнерусском языке были теми же, что и в современном.

Относительно генезиса исследуемой конструкции у ученых нет противоречий. Почти все языковеды считают ее именно славянской. Важным свидетельством исконно славянского происхождения конструкции являются примеры ее употребления в древнерусских грамотах, приведенные В.И. Борковским [Борковский, 1949, с. 209], и в памятниках делового языка XVII в., рассмотренные Э. Коротаевой [Коротаева, 1959, с. 62–69].

С мнением большинства не согласен А. Вайан, предполагающий, что союз между причастием и *verbum finitum* является «результатом подражания византийским грекам» [Вайан, 1952, с. 402]. Данная точка зрения была убедительно отвергнута Р. Ружичкой [Růžička, 1963, S. 104–107].

Из работ последнего времени по истории русских именных действительных причастий и деепричастий, то следует особо сказать о монографии Л.Р. Абдулхаковой [Абдулхакова, 2007]. Однако проблема употребления союза между причастием и глаголом в ней не рассматривается. Упоминается лишь, что наличие подобных конструкций свидетельствует о предикативном употреблении причастия, причем примеры приводятся только из «Жития Фео-

досия Печерского». Значительное внимание Л.Р. Абдулхаковой уделяется особенностям образования именных действительных причастий (деепричастий), их структурным, семантическим и функциональным особенностям, вопросам функционирования кратких и полных форм действительных причастий в древнерусском языке, соотносительности прилагательных и причастий в истории русского языка, синтаксическим функциям именных и местоименных форм действительных причастий. Также Л.Р. Абдулхакова выделяет синтаксические позиции именных форм причастий, способствовавшие становлению на их основе деепричастия, описывает изменения в синтаксическом функционировании деепричастных форм, проводит наблюдение над заменой у деепричастий временных характеристик видовыми и др. Вместе с тем автор допускает, что именные действительные причастия в древнерусском языке могли обозначать основное действие подобно *verbum finitum*. Однако такое допущение вряд ли оправдано и проистекает от того, что автор недостаточно раскрывает синтаксическое поведение причастия в именительных самостоятельных оборотах и в конструкциях типа *въставъ и рече* и др. До настоящего времени открытым остается вопрос о том, является ли действие, обозначенное именным действительным причастием (деепричастием) второстепенным в семантическом аспекте относительно главного сказуемого, или характеризуется лишь грамматической зависимостью от него. Современные исследователи [Абдулхакова, 2007; Чупашева, 2008; Гращенков, 2014] вслед за И.С. Истриной настаивают на второстепенности действия, обозначенного причастием (деепричастием), выполняющим роль второстепенного сказуемого. Но подобные утверждения лишь декларированы и нуждаются в доказательстве. Не случайно оно вызвало протест со стороны Р. Ружички [Růžička, 1963, S. 20]. Для решения указанных проблем требуется дальнейшее изучение функций и конструктивного разнообразия именных действительных причастий в древнерусском языке.

Актуальность исследования вызвана широкой употребительностью указанных клауз на всем протяжении развития древнерусского

языка, а также острыми противоречиями в истолковании их своеобразия и происхождения. Подробное их описание послужит разрешению спорных проблем, связанных с определением синтаксических функций современных деепричастий и их грамматического статуса, который до настоящего времени окончательно не выявлен. Одни исследователи квалифицируют его как форму глагола, другие – как самостоятельную часть речи. Противоречиво истолковываются морфологические свойства деепричастия. Одни языковеды считают, что у деепричастий категория времени поглощена категорией вида, другие утверждают о сохранении ими категории времени. Большим разнообразием отличаются мнения лингвистов относительно синтаксических функций деепричастий, что находит отражение в применяемой по отношению к ним терминологии – обстоятельство, предикативное обстоятельство, второстепенное сказуемое, периферийный предикат. Неоднозначно понимается связь деепричастия с главным сказуемым и подлежащим, вызывает споры проблема нормативности некоторых деепричастных оборотов. Интересной, но спорной представляется квалификация образования деепричастий на базе древнерусских причастий как семантическое словообразование.

В работах последнего времени, посвященных современному деепричастию и его истории указанные выше противоречия остаются неустраненными [Пятницкий, 2001; Абдулхакова, 2007; Бахаева, Хабусиева, 2018; Безроднова, 2009а; 2009б; Кудрявцева, 2012; Чупашева, 2008; Зорихина-Нильссон, 2014; Гращенков, 2014]. Все это усиливает актуальность изучения истории именных действительных причастий, к которым генетически восходят современные деепричастия.

Цель статьи заключается в исследовании конструктивного своеобразия данных оборотов, в выявлении динамики их употребления и жанрово-стилистической принадлежности, в раскрытии их оригинальности, динамики функционирования.

Материал и методы

В процессе работы нашли применение сравнительно-исторический, сравнительно-

типологический, статистический методы. Материал исследования составляет личная картотека автора: 2 327 конструкций с контекстами, содержащими союзные глагольно-причастные клаузы, извлеченными методом сплошной выборки из памятников литературы Древней Руси XI–XVII веков.

Результаты и обсуждение

Сочинительный союз для связи именного действительного причастия со спрягаемой формой глагола использовался в древнерусском языке с возникновения письменности до XVIII века. Причем употребление подобных синтаксических построений было довольно частым. Согласно проведенным подсчетам на них приходится 20 % от общего числа односубъектных причастных конструкций.

Причастия, находящиеся в препозиции относительно *verbum finitum*, значительно чаще, чем постпозитивные, соединяются с ним при помощи сочинительного союза, что обусловлено их большей предикативной силой, а также тем, что действия, обозначенные препозитивным причастием и глаголом, более расчленены и аналитичны, вследствие чего связь между ними акцентировалась союзом. Препозитивное именное причастие действительного залога в составе древнерусского предложения открывало, подготавливало его предикацию, которая закрывалась глаголом в финитной форме. В случае с постпозитивным причастием предикация уже завершена, и оно лишь дополняет основную предикацию, поэтому его предикативная сила ослаблена [Růžička, 1963]. В этой связи следует подчеркнуть, что и в сложноподчиненных предложениях древнерусского языка обычно сочинительным союзом соединяется с главной именно препозитивная придаточная часть [Сумкина, 1954, с. 199; Качевская, 1954, с. 216–217].

Функционируя в разнообразных конструкциях древнерусского языка, краткое действительное причастие в зависимости от занимаемой позиции в той или иной конструкции, обладало различной степенью относительной самостоятельности. При этом оно постепенно трансформировалось в деепричастие, утрачивая согласование с подлежащим. Нестабильное синтаксическое поведение указанного

причастия вызывало в нем морфологическую неустойчивость. Его синтаксическая подвижность выражалась в своеобразном «колебании» между предикативностью и атрибутивностью [Груздева, 1958, с. 227]. Однако важно иметь в виду, что в конструктивно тождественных оборотах речи с препозитивным причастием как с союзом, так и без союза последнее характеризовалось одинаковой степенью предикативной силы, то есть наличие союза не свидетельствовало об усилении степени предикативности причастия [Немченко, 1954, с. 228], поскольку «присутствие союза делает лишь более явственным свойство оборота, существовавшее и без союза» [Потебня, 1958, с. 190, 221]. Данное мнение А.А. Потебни разделяется и другими учеными [Sedlaček, 1954, s. 516]. Следовательно, причастно-глагольные конструкции с союзом раскрывают предикативную сущность именного действительного причастия, свойственную ему и в бессоюзных оборотах.

Согласно исследованию В. Барнета, именные действительные причастия в форме прошедшего времени, соединенные посредством сочинительного союза с глаголом в спрягаемой форме, значительно чаще, чем в подобных бессоюзных конструкциях, заменяются глаголом в форме аориста в разных списках одного и того же древнерусского текста [Barnet, 1965, s. 98]. Однако данный факт не свидетельствует о большей предикативной силе причастия в указанных союзных конструкциях, чем в оборотах без союза, а лишь указывает на стремление писца сохранить союз в древнем синтаксическом построении, который не мог уже употребляться в данной позиции вследствие ослабления у причастия прежней предикативности на пути его трансформации в деепричастие [Соколова, 1962, с. 302].

Именные действительные причастия прошедшего времени в препозиции относительно сказуемого в форме *verbum finitum* встречаются в древнерусских текстах в среднем в пять раз чаще соответствующих причастий в форме презенса [Кунавин, 1993]. Обычно они функционируют с главным сказуемым в форме аориста, реже – имперфекта или перфекта. При этом лексико-семантические группы причастий и глаголов, их синтаксическое по-

строение такие же, что и в оборотах без союза. Наиболее часто для связи именного действительного причастия с финитной формой глагола древнерусские писцы использовали одиночный или повторяющийся союз *и*. Другие сочинительные союзы в данной функции составляют 10 % от общего числа союзных конструкций. Основной предикат наиболее часто употребляется в аористе и находится в постпозиции относительно второстепенного причастного сказуемого:

(1) **Приникши** Ольга **и рече** имь (ПЛДР, вып. 1, с. 70);

(2) **Пришедше** (угри) от въстока **и устроишася** чересь горы великия (ПЛДР, вып. 1, с. 40).

Относительно часто встречаются обороты с повторяющимися оборотами:

(3) **И выникнувши** змиа изо лба, **и уклону** в ногу (ПЛДР, вып. 1, с. 54);

(4) ...**и снемше** доску с печи, **и възложиша** на перси его (ПЛДР, вып. 1, с. 252).

Значительно реже анализируемые конструкции встречаются с финитной формой глагола в имперфекте:

(5) ...**объщався** (король) ему **и не помогають** (ПЛДР, вып. 3, с. 398);

(6) Овии же народи московстии, **возлезше** на высокия храмины и на забрала и на полатныя покровы, **и оттуду зряху** царя своего (ПЛДР, вып. 7, с. 548).

Еще более редко встречаются в исследованных древнерусских памятниках обороты с главным предикатом в форме перфекта:

(7) ...**пришед и исхитил еси** сестру нашу татьбою (ПЛДР, вып. 3, с. 32).

В текстах раннего периода относительно редко, а в поздних – часто употребляется в данной конструкции форма причастия на -л без связки:

(8) ...**воставъ** с мѣста своего **и обнел** ее вельми любовно (ПЛДР, вып. 10, с. 367);

(9) Князь же Петръ **вшедь** в ту свѣтлицу **и удивилсѧ** украшению ея... (ПЛДР, вып. 10, с. 366).

В подобных примерах не просматривается перфектное значение у выделенной глагольной формы, что свидетельствует об утрате перфекта и появлении новой формы прошедшего времени.

Обороты с глагольным предикатом в форме настоящего и будущего времени в исследованных материалах наиболее редки:

(10) Царь же князь великий, **пришед** на Коломну **и входитъ** в коломенскую церковь соборную пречистыя богородицы честнаго ея успения (ПЛДР, вып. 7, с. 460);

(11) Таже **вземъ** тесну **и сечет** главу мою (ПЛДР, вып. 8, с. 52);

(12) ...но ту в монастыри моем **остригшися и животь** свой **скончае**те (ПЛДР, вып. 2, с. 426);

(13) ...и они, **вскочивше** ту, **и разсѣкутъ** его мечи (ПЛДР, вып. 7, с. 450).

Именные действительные причастия, образованные от глагольных основ прошедшего времени несовершенного вида в указанных конструкциях обозначают, как и соответствующие причастия совершенного вида, действие, предшествующее действию *verbum finitum*:

(14) ...**царствовавъ** лѣтъ 40 **и умре** (ПЛДР, вып. 1, с. 112);

(15) Володимерь же **целовавъ** брата своего **и поиде** Переяславлю (ПЛДР, вып. 3, с. 268);

(16) Сий же Лаврентий **шед** къ святому Дмитрию во Изяславль манастырь **и затвори** себе (ПЛДР, вып. 2, с. 520).

В памятниках позднего периода такие причастия также выражают действие, предшествующее глагольному:

(17) И **пльвшѧ** 30 дней **и приидоша** в землю Казанскую (ПЛДР, вып. 7, с. 392);

(18) Он же **бивъ** ея много **и потомъ отдалъ** ей **вину**... (ПЛДР, вып. 10, с. 402).

Именные действительные причастия в форме настоящего времени в препозиции относительно главного сказуемого значительно реже соединяются с последним посредством сочинительного союза, чем соответствующие причастия в форме прошедшего времени.

Примечательно, что на данный факт указывал уже А.А. Потебня: «...такого союза обыкновенно не бывает после прич. настоящего...» [Потебня, 1958, с. 194]. В этой связи следует подчеркнуть, что анализируемые причастия в форме настоящего времени в препозиции относительно главного сказуемого встречаются в древнерусских текстах в пять раз реже, чем причастия в форме прошедшего времени. При этом среди оборотов с союзом подобное соотношение коренным образом изменяется. На конструкции с формами настоящего времени в препозитивном положении относительно *verbum finitum* приходится всего около 6 % от общего количества подобных синтаксических построений с союзом, причем такое соотношение остается неизменным во все периоды истории русского языка:

(19) И **хотя удержатися и не можааше** (ПЛДР, вып. 1, с. 282);

(20) И **бѣжаще** възль Сань у гору, **и спихаху** друг друга (ПЛДР, вып. 1, с. 262);

(21) Мы всегда **выходяще и видѣхом** вас здѣ (ПЛДР, вып. 2, с. 532).

В текстах позднего периода истории русского языка такие союзные конструкции уже с деепричастием на месте бывших причастий продолжают функционировать в том же соотношении:

(22) ...и Фрол Скобеев **лежа** с Аннушкой **и объявил** ей себя (ПЛДР, вып. 10, с. 57);

(23) Он же велми **разжигая** плоть свою на нея **и принесе** ей денегъ триста рублевъ (ПЛДР, вып. 10, с. 60);

(24) ...и заспу **делаючи** и толокно **и** в осень капусту **солят** (ПЛДР, вып. 7, с. 128).

Особенность конструкции в последнем примере выражается в том, что между действиями, выраженными главным и второстепенным сказуемым, отсутствует временная координация, но оба эти действия относятся к одному и тому же нелокализованному во времени плану и реализуют семантику недифференцированного таксиса, поскольку различия одновременности / разновременности не актуализированы [Бондарко, 1987, с. 237]. Причастное и глагольное действия

равноправны, что свидетельствует о большой предикативной силе древнерусского именного действительного причастия, проявляющейся не только в именительных самостоятельных оборотах, но и односубъектных конструкциях.

Из исследованных материалов было написано 13 примеров, в которых союзом соединены причастия в местоименной форме и *verbum finitum*. Вот некоторые из этих примеров:

(25) Аз же, **свьѣдый** таковому имени, **и начах звати...** (ПЛДР, вып. 2, с. 542);

(26) Презвитер же, **не могий терпети** разгорѣния плоти своея, **и падеся** з девицею в церкви (ПЛДР, вып. 6, с. 58).

В очень редких случаях в указанной функции местоименное причастие могло употребляться вместе с именным:

(27) ...иногда бо воду **нося**, иногда же дрова **сѣкий и** тако всем братии собою образъ **подаваше** (ПЛДР, вып. 2, с. 460).

На подобные конструкции с полными причастиями и союзом указывал В. Барнет [Barnet, 1965, s. 38]. По-видимому, использование полного причастия в указанных оборотах отражает искусственный характер языка древнерусского писателя и представляет собой сущность того же рода в именительных самостоятельных оборотах и в придаточной части сложноподчиненного предложения, в котором причастие выступает в качестве единого предиката [Кунавин, 2023]. Данный факт может быть объяснен прямолинейным логическим параллелизмом между употреблением именных и местоименных форм действительных причастий, проявляемым древнерусскими книжниками.

Использование сочинительного союза, служащего средством связи препозитивного именного действительного причастия в форме настоящего времени с *verbum finitum* и обозначающего одновременное с ним действие, убедительно опровергает трактовку союза в качестве частицы, акцентирующей последовательность выражаемых указанными формами действий [Потебня, 1958, с. 195].

Анализируемые причастия в форме настоящего времени от глагольных основ совер-

шенного вида, так же как и соответствующие причастия в форме прошедшего времени, выражают предшествующее главному сказуемому действию:

(28) И Бова государю своему **ударя челом и пошол** на конюшню (ПЛДР, вып. 10, с. 280);

(29) И **увидя** олень прекрасну зело **и нача гнати** за нимъ по полю (ПЛДР, вып. 10, с. 267).

В анализируемых памятниках древнерусской письменности сравнительно часто имеют место препозитивные относительно *verbum finitum* полипричастные обороты, соединенные с ним посредством союза. По своим конструктивным характеристикам они такие же, что и соответствующие обороты без союза [Кунавин, 1993]:

(30) ...они же, **видѣвше** брата своего Иосифа, **вставше и яша** и, и ввергоша и в ровь... (ПЛДР, вып. 2, с. 84);

(31) На третий же день, **ставше** на мѣстѣ том, **помольшеся и благословивъ** (вместо благословивше. – Б. К.) мѣсто, **и измѣриша** златымъ поясомъ широту и долготу (ПЛДР, вып. 2, с. 422).

В памятниках позднего периода истории русского языка такие обороты речи с деепричастиями на месте бывших причастий характеризуются такой же степенью употребительности:

(32) Краль же Александръ, **услышавъ и узрѣвъ** приятельство к себѣ Лодвиково, **принимъ** у дворянина кубок цесарский той и **попивъ** из него все питье винное **и положил** в тот же златый кубокъ... перстень... (ПЛДР, вып. 10, с. 254).

Подобно полипричастным конструкциям без союза такие союзные употребляются в текстах книжных жанров и стилей. В отношении своей структуры они отличаются от соответствующих греческих оборотов в том смысле, что в нем они были недопустимы [Růžička, 1963]. Довольно частое употребление указывает на их славянское происхождение и включает влияние со стороны греческого языка.

Необычайно редко в исследованных древнерусских памятниках встречаются конструкции, в которых сочинительным со-

юзом соединяются именное и местоименное причастия действительного залога, что отражает искусственный характер языка автора. Это следует из того, что оба таких причастия выступают в функции второстепенного сказуемого, которая местоименному причастию была не свойственна. Полные формы действительных причастий были маркированы по негативному признаку непредикативности, выполняя исключительно синтаксическую функцию атрибута, а соответствующие краткие причастия по указанному признаку не были маркированы, поскольку выступали не только в предикативной функции, но и в атрибутивной, хотя и очень редко:

(33) **Гладень же бывъ и не могый терпѣти** нужда естъственныа, **видя** смерть пред очима своима, **и приходить** къ Иоанну игумену... (ПЛДР, вып. 2, с. 556).

Редкие случаи употребления местоименных действительных причастий в указанной функции приводит в своей монографии В. Барнет [Barnet, 1965, s. 38].

Что касается именных действительных причастий настоящего времени, находящихся в постпозиции относительно главного сказуемого и соединенных с ним союзом, то они встречаются значительно реже, чем стоящие в препозиции, поскольку обозначаемые ими действия тесно объединяются с действиями главных сказуемых. Невысокая степень предикативности функционально отдаляла их от *verbum finitum*.

Именные действительные причастия в форме прошедшего времени, соединенные со спрягаемой формой глагола посредством сочинительного союза, встречаются в древнерусских текстах еще реже, на них приходится около 3% от общего количества конструкций с союзом:

(34) ...и многы ляхы **приведоста** (Ярославъ и Мьстиславъ. – Б. К.) **и разделивша** я (ПЛДР, вып. 1, с. 164);

(35) ...и **идохомъ** во свой монастырь, **и ту опочивше** до литургии (ПЛДР, вып. 2, с. 112).

Подобные обороты с причастием прошедшего времени несовершенного вида встречаются единично:

(36) И даша князи цѣлование промеж себѣ сами, **праздноваше** духовно и **веселившеся** (ПЛДР, вып. 3, с. 212).

В памятниках позднего периода древнерусского языка такие обороты встречаются с несогласованными причастиями (деепричастиями):

(37) Потомъ **шла** въ свѣтлицу, гдѣ князь, и **вьшедь** (муж. род вместо жен. – Б. К.) во драгомъ кралевскомъ одѣянии (ПЛДР, вып. 10, с. 369).

Изредка в данном конструктивном типе встречаются полипричастные обороты:

(38) И потомъ **изыхомъ** из Гроба вѣсточными дверми, и **вшедше**, во великій олтарь и **створивше цѣлование** с правовѣрными (ПЛДР, вып. 2, с. 112).

Важнейшим своеобразием постпозитивных оборотов с причастиями в форме прошедшего времени, соединенными с *verbum finitum* сочинительным союзом, является то, что причастия в них не выражают свойственного им в препозиции предшествования. Характеризуя данный факт в евангельских текстах старославянского языка, Р. Ружичка справедливо подчеркивает: «Выразительное сочинение исключает это временное соотношение» [Růžička, 1963, S. 188]. Такие конструкции ярко свидетельствуют о том, что *и* в них представляет собой именно сочинительный союз, а не указательное местоимение, частицу или междометие. На постпозитивные причастия в форме настоящего времени, соединенные посредством сочинительного союза с *verbum finitum*, в исследованных древнерусских памятниках приходится 7% от общего количества причастных конструкций с союзом, то есть они встречаются во много раз реже, чем соответствующие бессоюзные. Такое же соотношение подобных оборотов характерно и для древнеболгарского языка [Мирчев, 1963, с. 215]. Эта несоразмерность свидетельствует о невысокой предикативной силе причастий настоящего времени, стоящих в постпозиции относительно главного сказуемого [Соколова, 1962, с. 301–302].

(39) ...и съ пекущими веселяшесе духъмъ, тѣсто **мѣшаше** и хлѣбы **пека** (ПЛДР, вып. 1, с. 342).

Чрезвычайно редко указанное причастие могло соединяться союзом с именным сказуемым:

(40) Но онъ же **невѣренъ** и **поганъ** и **хотя** законъ жидовскій **потребити** и церковь божию **осквернити** и **разорити** (ПЛДР, вып. 7, с. 470).

В подобных случаях особенно ярко проявляется предикативный характер причастия, поскольку главное сказуемое выражает качество, а второстепенное – действие, в результате такой семантической разобщенности относительная самостоятельность причастного действия повышается. В позднейших памятниках древнерусского языка с той же частотностью, что и в ранних, сочинительный союз используется для связи *verbum finitum* с неизменяемой формой причастия (то есть деепричастием):

(41) Савва же **объявляетъ** себя в полках и глаголя... (ПЛДР, вып. 10, с. 50);

(42) И **плакашесе** горко и **размышляя** в себѣ... (ПЛДР, вып. 10, с. 74).

Чрезвычайно редко в данном конструктивном типе встречаются два причастия:

(43) О семь вдова она **впаде** в велию **печаль** и **так**о **ходя** и **сѣтуя** (ПЛДР, вып. 5, с. 118).

Приведенные обороты с постпозитивными причастиями в форме настоящего времени, в которых последние обычно служат выражению одновременного с действием главного сказуемого действия, исключают мнение о том, что *и* в них представляет собой частицу, подчеркивающую последовательность выражаемых причастием и глаголом действий [Потебня, 1958, с. 195; Коротаева, 1959, с. 68].

Причастия в форме настоящего времени от глагольных основ совершенного вида в отношении выражения времени в данном конструктивном типе ведут себя подобно причастиям прошедшего времени, то есть не выражают предшествования:

(44) И **бишася** дружина моя с нимъ 8 дний о малу греблю, и **не владуче** внити имъ въ острогъ (ПЛДР, вып. 1, с. 404).

Помимо союза *и* для соединения причастия со спрягаемой формой глагола в древнерусском языке использовались сочинительные союзы *а, но, да* и др. В исследованных материалах на конструкции с союзом *и* приходится 90 % от общего числа оборотов с союзами, а на синтаксические построения с другими союзами – 10 %. В ранних текстах древнерусского языка относительно жанра, а в поздних – относительно стиля союзы *и, но* были нейтральны в своем употреблении, а союзы *а, да* были характерны в основном для памятников с фольклорными и разговорными чертами языка. Союзу *а* были присущи противительное и присоединительное значения. Противительная семантика реализуется в противопоставлении по «несходству» [Виноградов, 1972, с. 558] второстепенного и главного сказуемых. Причастия относительно глагола-сказуемого, как и в случае с конструкциями с союзом *и*, могут занимать как препозитивное, так и постпозитивное положение, как в форме настоящего, так и прошедшего времени:

(45) Ты, княже, чюжея земли **ищещи и блудещи**, а своя **ся охабивъ** (ПЛДР, вып. 1, с. 80);

(46) Татарове стены всѣ **урядивъ** у города Володимеря, а сами **идоша взяша** Суждалъ (ПЛДР, вып. 3, с. 136); ...ты бо **бия** его по телу, а **душу избавляещи** от смерти (ПЛДР, вып. 7, с. 86).

Наиболее ярко противительная семантика союза *а* проявляется в конструкциях с отрицанием:

(47) ...смерть ми **повѣдаа**, а **помощи ми не можещи** (ПЛДР, вып. 2, с. 526).

Относительно часто союз *а* в таких конструкциях характеризуется присоединительной семантикой, демонстрируя резкий переход от одной мысли к другой:

(48) ...и тѣй **прибѣжа** в Володимерь о полудни на четвертом кони, а **трех одушив** (ПЛДР, вып. 3, с. 124).

В памятниках позднего периода истории русского языка подобные обороты с деепричастием на месте причастия употребляются с той же частотностью, что и в ранних текстах:

(49) И онъ **поклоняся** низенько мнѣ, а сам **говорить**... (ПЛДР, вып. 11, с. 370).

К союзу *а* в таких конструкциях применимо определение, данное К.С. Аксаковым: «...*а* в устном вещании выражает именно добавление, речение как бы неожиданное, нечаянное, вдруг пришедшее в голову, которое и соответствует характеру разговорной речи» [Аксаков, 1875, с. 638]. Народный характер рассмотренных оборотов речи подтверждается не только исследованным материалом, но и приведенными С.П. Обнорским примерами из «Русской Правды» [Обнорский, 1946, с. 21]. П.В. Попов также подчеркивает, что союз *а* характерен для текстов, близких к разговорной речи [Попов, 1953, с. 19]. В проанализированном материале конструкции с союзом *а* также наиболее характерны для памятников с разговорными особенностями языка: повестей, летописей, поучений, грамот, «Домостроя» и т. п. Однако они не были подвергнуты строгим жанровым или стилистическим ограничениям, о чем свидетельствует их редкое употребление в житиях, патериках, переводной литературе, то есть в сугубо книжных жанрах. Следовательно, соединение причастия с глаголом посредством союза *а* осуществлялось во всех жанрах и стилях древнерусского языка, но его динамика была обусловлена в ранних текстах жанром, а в поздних – стилем.

Тесное взаимодействие в зависимости от жанра и стиля книжных и разговорных языковых средств представляло собой особенность единого древнерусского литературного языка. Ярким свидетельством этому является развитие древнерусской причастной системы. Например, в книжные полипричастные конструкции включались союзы из народной речи, в то же время сами полипричастные конструкции находили употребление в именительных самостоятельных оборотах, которые в старославянском языке были невозможны. Вследствие влияния народного языка именные действительные причастия в древнерусском литературном языке активно развивали способность к выражению различных обстоятельственных отношений, утрачивая согласование с подлежащим, а под воздействием книжного языка распространились полипричастные

конструкции, деепричастия в оборотах с главными сказуемыми в форме императива, конъюнктива. Следовательно, в связи с влиянием народной речи конструкции с причастиями обрели компактную структуру, а книжный язык обусловил их разнообразие. Конечно, примеры подобного взаимодействия книжного и народного языка можно привести и при исследовании любых других категорий древнерусского языка. Полипричастные конструкции среди синтаксических построений с союзом *а* необычайно редки:

(50) ...зане ини мнози мене ради главы своя **положиша, а не видевъ, ни глаголавъ** со мною (ПЛДР, вып. 3, с. 50).

Преимущественно в памятниках с народными чертами языка относительно часто имеет место причастие (деепричастие), образованное от глагола *речи* и связанное с глаголом-сказуемым посредством союза *а* в присоединительном значении. Такое причастие служит введению прямой речи:

(51) Жены руския **въсплакашась а ркучи...** (ПЛДР, вып. 2, с. 378).

То, что данная конструкция была распространена в древнерусских памятниках с выраженными фольклорными чертами, свидетельствует о ее народном происхождении. Она характеризовалась устойчивостью и представляла собой своеобразную языковую формулу, что находит подтверждение в истории глагола *речи*. Данный глагол как в древнерусском языке, так и в старославянском был совершенного вида [Barnet, 1965, s. 104]. Б. Гавранек и А. Достал утверждают, что этот вид у него был вторичным [Havránek, 1937, s. 41; Dostal, 1954, s. 69]. В общеславянском языке он был двувидовым, а однозначно глаголом совершенного вида стал после того, как вступил в коррелятивные отношения с глаголом *глаголати*. Что касается причастия *ркучи*, то оно, выражает действие, одновременное с глаголом-сказуемым, что свидетельствует о его образовании от имперфективной основы. А такое значение оно могло сохранить именно в лексикализованном выражении [Barnet, 1965, s. 104]. Намного интенсивнее с пре-

обладанием таких причастий употреблялись указанные конструкции с союзом *а* в древнечешском языке [Немченко, 1954, с. 231–232; Gebauer, 1929, s. 606; Barnet, 1965, s. 106]. Из древнепольского языка редкие случаи такого использования причастия приводит В. Ягич [Jagič, 1889, S. 72]. Однако «предположение, что это “богемизм” слишком много взяло бы на себя» [Jagič, 1899, S. 71]. Примечательно, что в текстах позднего периода встречаются такие конструкции, в которых препозитивное причастие, уже перешедшее в деепричастие, соединяется союзом *а* с глаголом *молвити* на месте причастия *ркучи*, функционально тождественное ему:

(52) И **постояв** мало подсколничей, **а молвить...** (ПЛДР, вып. 11, с. 294).

Иногда встречаются подобные конструкции, в которых глагол *молвити* в анализируемой функции соединяется союзом *а* не с причастием, а с глаголом:

(53) А **пришед**, **новобрачную вскроет, а молвит** им... (ПЛДР, вып. 7, с. 186).

В некоторых случаях союз *а* в подобных конструкциях выражает противительное-перечислительное значение:

(54) Потом **испугавшись** Евинянь **цесарь и вышедши** из воды, **а ни платья, ни коня не обрете** (ПЛДР, вып. 11, с. 133).

Довольно редко имеют место обороты, в которых союз выражает присоединительно-усилительную семантику, присоединяя новую дополнительную информацию:

(55) И Бова **садился** на добраго коня богатырского, **а в стремя ногою не вступаючи** (ПЛДР, вып. 10, с. 284).

Несколько реже, чем союз *а*, для связи причастия с глаголом применялся союз *но*. В отличие от рассмотренного выше союза *а* он имеет одно основное значение, выражая противопоставление или возражение, а возникающие у него в процессе употребления оттенки разных видов такой семантики «не выходят

за пределы его основного противительного значения» [Виноградов, 1972, с. 559]. Союз *но* в отличие от союза *а* и подобно союзу *и* характеризуется в качестве нейтрального в отношении стиля и жанра. В древнерусском языке он находит употребление как в агиографической литературе, так и в грамотах, как в памятниках низкого стиля, так и высокого. Так же как и рассмотренные выше, союз *но* употреблялся для соединения с главным сказуемым как препозитивных, так и постпозитивных причастий, как настоящего, так и прошедшего времени. Для соединения препозитивного причастия настоящего времени с главным сказуемым указанный союз использовался редко:

(56) Инии же и книги **почитающе, но** съвершена **не имяху** разума (ПЛДР, вып. 7, с. 54).

Значительно чаще он употребляется для связи *verbum finitum* с постпозитивным причастием:

(57) ...к сему же на игры съ инѣми **не исхожаще, но** на божественое и церковное пение и почитание преже инѣхъ **притекая** (ПЛДР, вып. 3, с. 70).

Что касается причастий прошедшего времени, то они соединялись указанным союзом с *verbum finitum* одинаково редко как в препозитивном относительно глагола положении, так и в постпозитивном:

(58) Он же ни мало слышати **восхотѣвъ, но** на брань **устремися** (ПЛДР, вып. 6, с. 382);

(59) Сего ради къ Иерусалиму шествие **оставляет, но** обаче по востоку **прошед** (ПЛДР, вып. 6, с. 400).

Изредка союз *но* использовался для соединения с глаголом нескольких причастий:

(60) ...в ноци **убо не усыпаху и не почиваху, но обидяще** чужие дома **призирающа** дабы нечто украсти (ПЛДР, вып. 7, с. 210).

Динамика использования союза *да* для связи причастия со спрягаемой формой в древнерусских текстах совпадает с динамикой союза *но*. В исследованных материалах он характеризуется исключительно присоединительной семантикой и служит соединению

с *verbum finitum* находящихся в препозиции относительно последнего только причастий в форме прошедшего или настоящего времени от глагольных основ совершенного вида. Лишь однажды в данном конструктивном типе встретилось причастие (деепричастие) в форме настоящего времени несовершенного вида:

(61) ...вас **тѣша, да себѣ скудость творю** (ПЛДР, вып. 11, с. 407).

Чаще всего данный союз встречается в текстах, отражающих народную речь, в памятниках с книжными чертами языка он довольно редок. Проведенное наблюдение вполне согласуется с выводом Э.И. Коротаевой, утверждающей, что союз *да* с семантикой присоединения свойствен языку фольклора [Коротаева, 1959, с. 68]. В анализируемых оборотах союз *да* начинает функционировать лишь с XV в.:

(62) ...и **приѣхавъ** сюды **да померли** (ПЛДР, вып. 8, с. 128).

В памятниках XI–XIV вв. он употребляется единично:

(63) Съвѣт же **сътворше** съ игуменомъ, **да** нужею **приведут** нѣкыя, извлекут вонъ и въвергнуть и въ воду (ПЛДР, вып. 2, с. 486).

Как и в рассмотренных конструкциях с союзами *и*, *а*, *но*, союз *да* встречается в полипричастных (полидеепричастных) оборотах:

(64) ...а того мертвеца рогатиною **исколوصи** или саблею **изсѣкши да** кровью **вымажут**, да богатому человеку в дом подкинут (ПЛДР, вып. 8, с. 616).

В отличие от анализируемых синтаксических построений с союзами *и*, *а*, *но*, *да* обороты с другими сочинительными союзами в древнерусских текстах единичны:

(65) ...самъ же въ худыя пѣрты **обълкъся, ти** тако **хожаше** (ПЛДР, вып. 1, с. 314);

(66) Аще **ядяше и пияше или** что делая, непрестанно молитву глаголаше (ПЛДР, вып. 10, с. 102);

(67) ...как **пришед**, так и **возму** (ПЛДР, вып. 8, с. 50).

Во всех приведенных конструкциях союзы соединяют причастия с глагольным сказуемым, но они могли соединять второстепенное причастное сказуемое и с именным предикатом как с материально выраженной связкой, так и с нулевой:

(68) **Святослав же и Рюрикъ то слышавша и рада быста** (ПЛДР, вып. 2, с. 348);

(69) **Велможабосуть потребни**, нониоткоихже своих трудов **дородствующе** (ПЛДР, вып. 6, с. 652);

(70) ...не слухомъ бо **слышавъ**, но сам о семь **началникъ** (ПЛДР, вып. 1, с. 220).

Сочинительный союз иногда использовался для связи причастия с главным сказуемым в форме инфинитива:

(71) ...без луки **беседующе**, а много **разумети** (ПЛДР, вып. 1, с. 394).

Употребление союза для связи причастия с глаголом на всем протяжении истории древнерусского языка характеризуется довольно высокой динамикой. В текстах XI в. было зафиксировано 150 конструкций; XII в. – 235; XIII в. – 230; XIV в. – 215; XV в. – 231; в трех книгах XVI в. – 612; в первой книге XVII в. – 439. Таким образом, частотность употребления данных синтаксических построений довольно равномерна на протяжении почти всей истории древнерусского языка. Только в памятниках второй книги XVII в. наблюдается существенное сокращение таких конструкций: в ней встретилось 235 оборотов, то есть в два раза меньше, чем в первой книге. Следовательно, только во второй половине XVII в. началось постепенное устранение указанных оборотов речи. Однако окончательно они исчезли из употребления лишь в XVIII веке.

Заключение

Как следует из приведенного материала, сочинительный союз использовался в древнерусском языке для связи причастия с главным сказуемым во всех видах односубъектных конструкций: с препозитивными причастиями

прошедшего времени и главным сказуемым в формах аориста, имперфекта, перфекта, единично в формах настоящего и будущего времени; с препозитивными причастиями настоящего времени и главным сказуемым в формах имперфекта, аориста, настоящего времени; с препозитивными полипричастными конструкциями; с постпозитивными причастиями настоящего и прошедшего времени с главным сказуемым в формах имперфекта, аориста, настоящего времени; с постпозитивными полипричастными конструкциями. Данный факт свидетельствует о том, что причастия в них обладали тем и же свойствами, что и в оборотах без союза. Единичные случаи соединения сочинительным союзом местоименного действительного причастия с *verbum finitum* свидетельствуют об искусственном характере подобных оборотов и объясняются прямолинейным логическим параллелизмом между употреблением именных и местоименных форм действительных причастий, проявляемым древнерусскими книжниками. Сочинительные союзы выступали в качестве средства связи, а не представляли собой ошибки писца, междометия или указательные местоимения. Важно подчеркнуть, что причастие связывалось с главным сказуемым не только посредством союза *и*. Относительно часто в проанализированных конструкциях используются союзы *а, но, да*. При этом употребление в качестве средства связи в указанных оборотах союзов *ти, или, такоже, как, так и* полностью исключает иное толкование *и*.

Из проведенного анализа можно сделать вывод о том, что точки зрения Ф. Миклошича, Й. Курца, А. Вайана, М. Феррана несмотря на очевидные различия в трактовке проанализированных конструкций необычайно близки в том, что истолковывают их своеобразие, отождествляя именное действительное причастие древнерусского языка с современным деепричастием. Скудость изученного материала, а также подход с позиции современной языковой системы стали причиной ошибочности их суждений. Убедительность утверждений А.А. Потевни по данной проблеме обусловлена тем, что он рассматривает указанные обороты речи в контексте древнерусской языковой системы, а не налагает современные категории на древнерусский материал. Однако недостаточность приведенного

им фактического материала способствовала пересмотру указанными выше учеными этой, несомненно, верной точки зрения. Суждение А.А. Потевни о том, что союз между причастием и глаголом в древнерусском языке эксплицирует высокую предикативную силу причастия, существующую и без союза, на-

шло полное подтверждение в проведенном исследовании.

Дальнейшее исследование рассмотренного оборота может быть направлено на выявление специфики его употребления в сопоставлении с соответствующими бессоюзными конструкциями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксаков К. С., 1875. Полное собрание сочинений. Москва : В Университет. тип. (Катков и К^о) на Страт. бул. Т. 2. 660 с.
- Абдулхакова Л. Р., 2007. Развитие категории деепричастия в русском языке. Казань : Казан. гос. ун-т. 186 с.
- Бахаева Л. М., Хабусиева Т. М., 2018. Теоретические предпосылки изучения деепричастия в русском языке // Русский язык. Филологический аспект. № 7 (39). С. 5–11.
- Безроднова О. М., 2009а. Деепричастия русского языка в контексте функционально-семантического поля таксиса и соответствия русским деепричастиям в немецком языке // Вестник Башкирского государственного университета. Т. 10, № 3. С. 432–436.
- Безроднова О. М., 2009б. Таксисные значения причастий русского языка // Вестник Башкирского государственного университета. № 1. С. 87–91.
- Бондарко А. В., 1987. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики. Ленинград : Наука. С. 234–242.
- Борковский В. И., 1949. Синтаксис древнерусских грамот. Львов : Изд-во Львов. гос. ун-та. 391 с.
- Вайан А., 1952. Руководство по старославянскому языку. Москва : Иностран. лит. 446 с.
- Виноградов В. В., 1972. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 2-е. Москва : Высш. шк. 614 с.
- Георгиева В. Л., 1968. История синтаксических явлений русского языка. Москва : Просвещение. 167 с.
- Гращенко П. В., 2014. К эволюции нефинитных форм глагола // Вестник Московского государственного университета им. М.А. Шолохова. № 3. С. 34–54.
- Груздева С. И., 1958. Атрибутивные и предикативные функции причастия на -es в литовском языке в сравнении с русскими конструкциями // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филол. наук. Вып. 38, № 235. С. 222–245.
- Добровский Й., 1834. Грамматика языка славянского по древнему наречию. Ч. 1. Санкт-Петербург. 522 с.
- Зорихина-Нильссон Н. В., 2014. Таксисные деепричастные конструкции с глаголами стандартного положения в пространстве в русском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA : тр. ин-та лингвист. иссл. Т. 10, № 3. С. 273–298.
- Истрина Е. С., 1919. Синтаксические явления 1 Новгородской летописи // Известия отделения русского языка и словесности. Петроград. Кн. 2. С. 1–172.
- Кацнельсон С. Д., 1936. К генезису номинативного предложения // Труды института языка и мышления им. Н.Я. Марра. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР. 110 с.
- Качевская Г. А., 1954. К истории сложноподчиненных предложений с придаточным определительным (по данным памятников русской письменности XVI в.) // Труды института языкознания. Москва : Изд-во АН СССР. Т. V. С. 203–223.
- Коротаева Э. И., 1959. Особые случаи употребления деепричастия в литературном языке XVII–XIX столетия // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 277, вып. 55. С. 60–99.
- Кудрявцева Т. Ю., 2012. Синтаксическая функция деепричастия с позиций современных лингвистических воззрений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 65–66.
- Кунавин Б. В., 1993. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке : дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург. 702 с.

- Кунавин Б. В., 2023. Nominativus absolutus в истории русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 5. С. 178–189. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.14>
- Мирчев К., 1963. Историческа граматика на българския език. София : Наука и изкуство. 274 с.
- Немченко Е. В., 1954. Именные формы действительных причастий в древнейших памятниках чешского языка // Ученые записки Института славяноведения. Т. IX. С. 225–251.
- Обнорский С. П., 1946. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР. 199 с.
- Попов П. В., 1953. Сочинительные конструкции с союзом «а» в древнерусском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. 20 с.
- Попова И. А., 1945. Значение и функции союза «а» в древнерусском языке // Научный бюллетень Ленинградского государственного университета. С. 30–33.
- Потебня А. А., 1958. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. Москва : Учпедгиз. 536 с.
- Пятницкий В. Д., 2001. Аномалии современной речи в употреблении глагольных форм и словосочетаний // Русский язык в школе. № 4. С. 83–86.
- Руднев А. Г., 1959. Обособленные члены предложения в истории русского языка // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 174. 254 с.
- Соколова М. А., 1962. Очерки по исторической грамматике русского языка. Ленинград : Изд-во Ленингр. гос. ун-та. 312 с.
- Срезневский И. И., 1959. Мысли об истории русского языка. Москва : Учпедгиз. 135 с.
- Сумкина А. И., 1954. К истории относительного подчинения в русском языке XIII–XVII вв. // Труды института языкознания АН СССР. Т. V. С. 139–202.
- Чупашева О. М., 2008. Грамматика русского деепричастия. Мурманск : Мурман. гос. пед. ун-т. 197 с.
- Barnet V., 1965. Vývoj systému participií aktivních v ruštině. Praha : Universita Karlova. 191 s.
- Dostal A., 1954. Studie o vidovém system v staroslovenstine // Z praci Slovanskeho ustavu Ceskoslovenske akad. ved. Praha. 683 s.
- Ferrand M., 1983. Le participe /gérondif/ apparemment coordonné a son verbe principal et le même tour avec subordonnée en vieux russe et ailleurs en indo-européen. Revue des études slaves / Tome cinquante-cinquième. Fascicule 1. Paris. P. 43–55.
- Gebauer I., 1929. Historická mluvnice jazyka češského. Díl. 4. Praha : Nakl. Československe akad. ved. 763 s.
- Havránek B., 1937. Genera verbi v slovanských jazycích. V Praze. 201 s.
- Jagič V., 1899. Beiträge zur slavischen Syntax. Denkschriften der keiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe. Band 46. Wien. 88 S.
- Kurz I., 1958. Problematika zkaumání syntaxe staroslovenskeho jazyka a nástin rozboru významu častic i, a a pod. v konstrukcích participialních vases s určitými slovesy // K historicko-srovnávacímu studio slovenských jazyku. Praha : Státní ped. nakl. S. 83–107.
- Miklošich F., 1883. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von Franz Miklošich. 4 Band. Syntax. Wien : Wilhelm Braumüller. 895 S.
- Růžicka R., 1963. Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhaeltnis zum Griechischen. Berlin : Akademia-Verlag-Berlin. 395 S.
- Sedlaček J., 1954. K otazce slovanských participii praes. act. a praet. act. 1 // Slavia 23. Praha. S. 509–526.
- Trávníček F., 1956. Historická mluvnice česka 3. Skladba. Praha: Státní pedagogické nakladatelství. 201 s.

ИСТОЧНИК

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. Москва : Худож. лит., 1978–1994. В 12 вып. Вып. 1. 1978. 463 с. ; Вып. 2. 1980. 704 с. ; Вып. 3. 1981. 616 с. ; Вып. 5. 1982. 688 с. ; Вып. 6. 1984. 768 с. ; Вып. 7. 1985. 624 с. ; Вып. 8. 1986. 640 с. ; Вып. 10. 1988. 704 с. ; Вып. 11. 1989. 704 с.

REFERENCES

- Aksakov K.S., 1875. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Set of Works]. Moscow, V Universitet. tip. (Katkov i K^o) na Strast. bul., vol. 2. 660 p.
- Abdulkhakova L.R., 2007. *Razvitiye kategorii deyeprichastiya v angliyskom yazyke* [Development of the Category of Participle in the Russian Language]. Kazan, Kazan. gos. un-t. 186 p.
- Bakhaeva L.M., Khabusieva T.M., 2018. Teoreticheskiye predposylki izucheniya deyeprichastiya v russkom yazyke [Theoretical Prerequisites for the Study of the Gerunds in the Russian Language]. *Russkiy yazyk. Filologicheskiy aspekt* [Russian Language. Philological Aspect], no. 7 (39), pp. 5-11.
- Bezrodnova O.M., 2009a. Deyeprichastiya russkogo yazyka v kontekste funktsionalno-semanticheskogo polya taksisa i sootvetstviya russkim deyeprichastiya v nemetskom yazyke [The Gerunds of the Russian Language in the Context of the Functional-Semantic Field of the Taxis and the Correspondence to the Russian Gerunds in the German Language]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], vol. 10, no. 3, pp. 432-436.
- Bezrodnova O.M., 2009b. Taksisnye znacheniya prichastiy russkogo yazyka [Taxisation Meanings of the Participles of the Russian Language]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir State University], no. 1, pp. 87-91.
- Bondarko A.V., 1987. Obshchaya kharakteristika semantiki i struktury polya taksisa [General Characteristics of the Semantics and Structure of the Taxis Field]. *Teoriya funktsionalnoy grammatiki* [Theory of Functional Grammar]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 234-242.
- Borkovskiy V.I., 1949. *Sintaksis drevnerusskikh gramot* [Syntax of Old Russian Letters]. Lvov, Izd-vo Lvov. gos. un-ta. 391 p.
- Vayan A., 1952. *Rukovodstvo po staroslavianskomu yazyku* [Guide to the Old Church Slavonic Language]. Moscow, Inostr. lit. Publ. 446 p.
- Vinogradov V.V., 1972. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoye ucheniye o slove* [Russian Language. Grammatical Theory of the Word]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 614 p.
- Georgieva V.L., 1968. *Istoriya sintaksicheskikh yavleniy russkogo yazyka* [History of Syntactic Phenomena of the Russian Language] Moscow, Prosveshcheniye Publ. 167 p.
- Grashchenkov P.V., 2014. K evolyutsii infinitivnykh form glagola [Towards the Evolution of the Infinite Forms of the Verb]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.A. Sholokhova* [Moscow State University Named After M.A. Sholokhov], no. 3, pp. 34-54.
- Gruzdeva S.I., 1958. Atributivnye i predikativnye funktsii prichastiya na -es v litovskom yazyke v sravnenii s russkimi konstruktsiyami [Attributive and Predicative Functions of the Participle Ending in -es in the Lithuanian Language in Comparison with Russian Constructions]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Leningrad State University]. Series of Philol. Sciences, iss. 38, no. 235, pp. 222-245.
- Dobrovskiy J., 1834. *Grammatika yazyka slavyanskogo po drevnemu narechiyu. Ch. 1* [Grammar of the Slavic Language According to the Ancient Dialect. Pt. 1]. Saint Petersburg. 522 p.
- Zorikhina-Nilsson N.V., 2014. Taksisnye deeprichastnye konstruktsii s glagolami standartnogo polozheniya v prostranstve v russkom yazyke [Taxis Adverbial Constructions with Verbs of Standard Position in Space in Russian]. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA: tr. in-ta lingvist. issl.* [Proceedings of the Institute for Linguistic Research], vol. 10, no. 3, pp. 273-298.
- Istrina E.S., 1919. Sintaksicheskiye yavleniya 1 Novgorodskoy letopisi [Syntactic Phenomena of 1 Novgorod Chronicle]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti* [Izvestia of the Department of Russian Language and Literature]. Petrograd, book 2, pp. 1-172.
- Katsnelson S.D., 1936. K genezisu nominativnogo predlozheniya [On the Genesis of the Nominative Sentence]. *Trudy instituta yazyka i myshleniya im. N.Ya. Marra* [Proceedings of the N.Ya. Marr Institute of Language and Thought]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR. 110 p.
- Kachevskaya G.A., 1954. K istorii slozhnopodchinennykh predlozheniy s pridatochnym opredelitelnyim (po dannym pamyatnikov russkoy pismennosti XVI v.) [On the History of Complex Sentences with a Subordinate Attributive Clause (According to Data from Monuments of Russian Literature of the 16th Century)]. *Trudy instituta yazykoznaneya* [Proceedings of the Institute of Linguistics]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, vol. V, pp. 203-223.

- Korotayeva E.I., 1959. Osobyie sluchay upotrebleniya deeprichastiya v literaturnom yazyke XVII–XIX stoletiya [Special Cases of Using the Adverbial Participle in the Literary Language of the 17th – 19th Centuries]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Leningrad State University]. Series of Philol. of Sciences, iss. 55, no. 277, pp. 60-99.
- Kudryavtseva T.Yu., 2012. Sintaksicheskaya funktsiya deeprichastiya s pozitsiy sovremennykh lingvisticheskikh vozzreniy [The Syntactic Function of the Gerunds from the Standpoint of Modern Linguistic Views]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Voronezh State University Bulletin. Linguistics and Intercultural Communication Series], no. 2, pp. 65-66.
- Kunavin B.V., 1993. *Funktsionalnoye razvitiye sistemy prichastiy v drevnerusskom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk* [Functional Development of the Participle System in the Old Russian Language. Dr. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 702 p.
- Kunavin B.V., 2023. Nominativus absolutus v istorii russkogo yazyka [Nominativus Absolutus in the History of the Russian Language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 5, pp. 178-189. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.14>
- Mirchev K., 1963. *Istoricheska grammatika na bǎlgarskiya ezik* [Historical Grammar of the Bulgarian Language]. Sofiya, Nauka i izkustvo Publ. 274 p.
- Nemchenko E.V., 1954. Imennye formy deystvitelnykh prichastiy v drevneyshikh pamyatnikakh cheshskogo yazyka [Nominal Forms of Active Participles in the Oldest Monuments of the Czech Language]. *Uchenyye zapiski Instituta slavyanovedeniya*, vol. IX, pp. 225-251.
- Obnorskiy S.P., 1946. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka starshego perioda* [Essays on the History of the Russian Literary Language of the Older Period]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR. 199 p.
- Popov P.V., 1953. *Sochinitelnye konstruksii s soyuzom «a» v drevnerusskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Coordinating Constructions with the Conjunction “a” in the Old Russian Language: Cand. Phil. sci. abs. diss.]. 20 p.
- Popova I.A., 1945. Znachenije i funktsii soyuza «a» v drevnerusskom yazyke [The Meaning and Functions of the Conjunction “a” in the Old Russian Language]. *Nauchnyy byulleten Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Bulletin of Leningrad State University], pp. 30-33.
- Potebnaya A.A., 1958. *Iz zapisok po russkoy grammatike. T. I–II* [From Notes on Russian Grammar. Vol. 1–2]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 536 p.
- Pyatnitskiy V.D., 2001. Anomalii sovremennoy rechi v upotreblenii glagolnykh form i slovosochetaniy [Anomalies of Modern Speech in the Use of Verb Forms and Phrases]. *Russkiy yazyk v shkole [Russian Language at School]*, no. 4, pp. 83-86.
- Rudnev A.G., 1959. *Obosoblennye chleny predlozheniya v istorii russkogo yazyka* [Isolated Members of a Sentence in the History of the Russian Language]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gercena* [Scientific Notes of the Leningrad State Pedagogical Institute Named After A.I. Herzen], vol. 174. 254 p.
- Sokolova M.A., 1962. *Ocherki po istoricheskoy grammatike russkogo yazyka* [Essays on the Historical Grammar of the Russian Language]. Leningrad, Izd-vo Leningr. gos. un-ta. 312 p.
- Sreznevskiy I.I., 1959. *Mysli ob istorii russkogo yazyka* [Thoughts on the History of the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 135 p.
- Sumkina A.I., 1954. K istorii otnositelnogo podchineniya v russkom yazyke XIII–XVII vv. [On the History of Relative Subordination in the Russian Language of the 13th – 17th Centuries]. *Trudy instituta yazykoznanija* [Proceedings of the Institute of Linguistics], vol. V, pp. 139-202.
- Chupasheva O.M., 2008. *Grammatika russkogo deeprichastiya* [Russian Gerunds Grammar]. Murmansk, Murm. gos. ped. un-t. 197 p.
- Barnet V., 1965. *Vývoj systému participií aktivních v ruštině*. Praha, Univerzita Karlova. 191 s.
- Dostal A., 1954. Studie o vidovem system v staroslovenstine. *Z praci Slovanskeho ustavu Ceskoslovenske akad. ved*. Praha. 683 s.
- Ferrand M., 1983. Le participe /gérondif/ apparemment coordonné a son verbe principal et le même tour avec subordonnée en vieux russe et ailleurs en indo-européen. *Revue des études slaves /Tome cinquante-cinquième. Fascicule 1*. Paris, pp. 43-55.

- Gebauer I., 1929 *Historická mluvnice jazyka češkeho. Dil. 4.* Praha, Nakl. Československe akad. ved. 763 s.
- Havránek B., 1937. *Genera verbi v slovanských jazycich.* Praha. 201 s.
- Jagič V., 1899. *Beiträge zur slavischen Syntax. Denkschriften der keiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe. Band 46.* Wien. 88 S.
- Kurz I., 1958. Problematika zkaumání syntaxe staroslovenskeho jazyka a nástin rozboru významu částic i, a a pod. v konstrukcích participiálních vaseb s určitými slovesy. *K historicko-srovnávacímu studiu slovenských jazyku.* Praha, Státní ped. nakl., s. 83-107.
- Miklošič F., 1883. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von Franz Miklošič. Band 4. Syntax.* Wien, Wilhelm Braumüller. 895 S.
- Růžička R., 1963. *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhaeltnis zum Griechischen.* Berlin, Akademie-Verlag-Berlin. 395 S.
- Sedláček J., 1954. K otazce slovanských participii praes. act. a praet. act. 1. *Slavia* 23. Praha, s. 509-526.
- Trávníček F., 1956. *Historická mluvnice česka 3. Skladba.* Praha, Státní pedagogické nakladatelství. 201 s.

SOURCE

- Dmitriyev L.A., Lihachev D.S., eds. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. V 12 vyp.* [Monuments of Literature of Ancient Russia. In 12 iss.]. Moscow, Khudozh. lit., 1978–1994, iss. 1. 1978. 463 p.; iss. 2. 1980. 704 p.; iss. 3. 1981. 616 p.; iss. 5. 1982. 688 p.; iss. 6. 1984. 768 p.; iss. 7. 1985. 624 p.; iss. 8. 1986. 640 p.; iss. 10. 1988. 704 p.; iss. 11. 1989. 704 p.

Information About the Author

Boris V. Kunavin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, of Department Russian Language, North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia, vladraikun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3951-0775>

Информация об авторе

Борис Всеволодович Кунавин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Северо-Осетинский государственный университет, г. Владикавказ, Россия, vladraikun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3951-0775>